

Читайте книги
Алисы Клевер – освежайте чувства!

Тетралогия

Полночь по парижскому времени

- Книга 1: Память тела
- Книга 2: Убийственная красота
- Книга 3: Женщина на одно утро
- Книга 4: Нежные языки пламени

АЛИСА КЛЕВЕР

УБИЙСТВЕННАЯ КРАСОТА

Книга 2

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К48

Оформление серии *С. Груздева*

Иллюстрации *А. Дурасова*

Клевер, Алиса.
К48 Убийственная красота : кн. 2 тетралогии / Алиса Клевер. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Полночь по парижскому времени).

ISBN 978-5-699-91725-9

Вырваться из капкана страсти невозможно. Даша Синица поняла это, оказавшись во власти чар Андре Робена — молодого и успешного пластического хирурга, к услугам которого обратилась ее мать. Несмотря на все доводы разума, Даша все же не удержалась от того, чтобы еще раз встретиться с ним, и... окунулась в ночную жизнь Парижа. Сумасшедшая гонка по улицам города вместе с Андре стала для Даши захватывающим приключением. Однако случившееся — лишь маленькая шалость по сравнению с тем, что приготовила ей судьба и сам Андре...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91725-9

© Клевер А., текст, 2016
© Дурасов А., иллюстрации, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

*Мы так привыкли притворяться
друг перед другом, что начали притво-
ряться перед самими собой.*

Ларошфуко

*При всем желании тигр не сможет
избавиться от полос на шкуре.*

Мы сами творцы своего безумия.

Грэм Грин

* * *

Это лето вдруг стало острым, как нож для разделки суши, оно причиняло боль и радостно улыбалось, глядя на мои слезы, но не отпусало от себя дальше чем на расстояние в одно такси. И вот я сижу на заднем сиденье грохочущей, заполненной каким-то арабским шансоном машины, мое тело до сих пор помнит безумие прошедшей ночи, а на истерзанных губах еще ощущается прощальный поцелуй. Андре был таким усталым, когда прощался со мной, что даже не предложил проводить. Просто вызвал такси, как какой-то дешевой девочке по вызову, и это тоже болезненно резануло по моему эго. Вот чего я стою в его глазах. Ужасно то, что мне все равно. Единственное,

что имеет значение — мы были вместе. Я улыбаюсь, как чокнутая, вспоминая его лицо, а тело тут же отзывается одобрением, и я почти заново переживаю оргазм — только от одной мысли об Андре.

Но чем дальше я уезжала от арабского квартала, тем тоньше становилась эта связь с Андре, рискуя разорваться совсем. Я даже испытала что-то вроде паники, осознав со всей ясностью, что вот оно — это утро, и серая предрассветная дымка, в которой я снова одна и понятия не имею, что мне делать и как жить дальше. Даша, Даша, как ты попалась на этот крючок? Водитель посматривает на тебя с неодобрением, у него нет никаких вопросов, он прекрасно понимает, что делает девушка в его машине в такой ранний час. Приличные девушки остаются в постелях своих любовников до самого завтрака.

— Пожалуйста, выключите музыку, — прошу я, и таксист недовольно нажимает на кнопку приемника.

Франция — родина невмешательства, так говорит моя мама. Трудно даже представить себе, свидетелями чего тут становятся таксисты. Сколько таких девушек они развозят по адресам ранним утром или поздним вечером? А ты? Что заставило тебя покинуть безликий номер дешевой

гостиницы, мадам Немуа? Ведь ты сама сказала, что тебе пора, и попросила вызвать такси. Почему? Думаешь, если ты смогла уехать от него, это что-то меняет? Он ведь не предложил тебе остаться, и, кажется, был даже рад, что все так обернулось. Он сказал, что позвонит, а ты подумала, что будет лучше, если он больше никогда не появится в твоей жизни. Что же тогда заставляет тебя сейчас неосознанно шевелить губами, словно мучает жажда? Во рту несвежий привкус, зубы не чищены, и общее ощущение, будто свалилось тяжелое похмелье после пьяной ночи, проведенной за гранью возможного и приемлемого.

Как, оказывается, легко потерять себя, просто раздвинув ноги и отдавшись мужчине, одно присутствие которого пьянит, как сильнодействующий наркотик. Я бросала себя к его ногам, и теперь, глядя на сонные, пустые улицы Парижа, уже скучаю по Андре, как выброшенная на улицу собака. И конечно же, не задумываясь, повторила бы все заново. Он стал мне совершенно необходим, и какая, в конце концов, разница, что думает обо мне водитель такси? Я ненавидела себя за эту физическую потребность в Андре. Когда-то я мечтала о любви, но теперь-то знаю, что настоящая любовь не оставляет в душе камня на камне. Я больна Андре, и лекарства от этого не существует. Я готова немедленно развернуть машину, умоляя водителя отвезти меня обратно, и останавливает только то,

что я даже не знаю адреса, откуда уехала полчасика назад. В моей памяти остались отдельные куски пазла, которых недостаточно, чтобы собрать картинку целиком. Помню лишь огни домов напротив, распахнутые занавески и луну, тускнеющую на фоне просыпающегося утра. И еще магазин сладостей на углу. Когда я нахожусь в руках Андре, время останавливается. Банально, но факт. Машина времени. Я хочу его всей кожей.

— Ваш отель, мадемуазель, — голос таксиста вывел меня из ненормального, почти наркотического забытья. Все тело ломило после бурной ночи, язык не слушался, и привычный баланс был совершенно утрачен.

— Который час? — спросила я по-французски. Голос хрипел и ломался. Я вспомнила, как хохотала вместе с Андре, бесстыдная и голая, как просила его не останавливаться. Никогда.

— Уже почти шесть, — ответил таксист, окинув меня осуждающим взглядом. Я кивнула, пытаюсь прикинуть, что меня ждет в отеле. Мама, наверное, спит, а Сережа бодрствует, ходит по номеру, жаждет возмездия. Я немного помедлила и добавила:

— А какой сегодня день недели?

Водитель нехорошо усмехнулся, посмотрев на меня, как на душевнобольную.

— Понедельник, — ответил он. — Восемнадцатое июля, и мы в Париже, мадемуазель. Что-нибудь еще?

— Нет, это все, — заявила я тоном надутой гусяни, пытаясь — безуспешно — поставить водителя на место. Он только осклабился еще сильнее и уехал, развернувшись так резко, что взвизгнули шины. Он переиграл меня, этот сын города любви, приехавший сюда из обезумевшего Египта или пиратствующего Сомали. Мне оставалось только вернуться в номер матери, пристыженной и не имеющей никакого хоть сколько-нибудь пристойного объяснения того, где меня носило весь вечер и всю ночь. Но мама спала, и, к счастью, объяснять ничего не пришлось.

Окно в номере было приоткрыто, и, когда я толкнула входную дверь, сквозняк немедленно подхватил тонкий тюль занавесок. В комнате было прохладно и немного сыро. Я аккуратно притворила дверь и закрыла окно, стараясь не шуметь. Затем села на диван, где еще вчера спал Сережа, оставленный мною бойфренд. Я сидела, не шевелясь, сложив руки на коленях, и смотрела в одну точку, на темный экран спящего телевизора. Сережи не было в номере, но это не удивило меня. Значит, он все-таки уехал. Нормальная реакция нормального парня, относящегося к себе с уважением. Сережа — тот, рядом с кем можно было спокойно жить, не ведая боли и страстей. Андре же — казино, где против твоей воли постоянно повышают ставки и рано или поздно отберут все. Не знаю, сколько я просидела так, бессмысленно

таращась в пустой экран. Должно быть, долго, потому что у меня затекла нога. Из соседней комнаты слышался монотонный писк маминого будильника. Я вздрогнула и обернулась в сторону приоткрытой двери.

— Даша, ты там? Принеси мне, пожалуйста, воды, — донесся до меня ее голос.

Я налила воды из бутылки в идеально прозрачный стеклянный стакан и принесла ей. Мама сидела на кровати, растрепанная, заспанная, в шелковой ночной сорочке, явно более подходящей для юных девиц. Краешком глаза я заметила приоткрытый ящик тумбочки и использованный шприц, лежащий на белом блюде.

— И по-твоему, это нормально — бросить меня вот так, на обеде? — недовольно спросила мама, выпив почти полный стакан воды. Затем, проследив за моим взглядом, она резко захлопнула ящик, давая мне понять, что не надо совать нос, куда не следует. Витамины, как и было сказано. Но только на этот раз я почему-то не поверила.

— Что ты колешь себе, мама? Я не думала, что ты умеешь делать уколы.

— Даша! — Она посмотрела на меня с возмущением, больше похожим на растерянность. — Не говори со мной таким тоном. Где ты была вообще? Куда вы ушли?

— Прости, — пробормотала я, покраснев от воспоминаний о прошедшей ночи. — Все полу-

чилось как-то само собой. И потом, ты ведь была занята с этим своим продюсером. Какой-нибудь толк от него хоть будет?

— Ох, кто их разберет, этих французов? Не знаю, — покачала головой мама. — Слушай, ты скажи, пожалуйста, своему Сереже, чтобы он не бросал свои вещи в коридоре. Я вчера споткнулась о какую-то сумку и чуть не упала.

— Сереже? — переспросила я, вздрогнув, но мама, кажется, не заметила моего смутения. Она встала, сунула ноги в тапочки, потянулась, разминая затекшие за ночь мышцы, и взяла с кресла кружевной халатик. Затем принялась рыться в своей сумке, достав оттуда косметичку, какие-то баночки, тюбик с мазью и упаковку таблеток. Выдавлив на ладонь пару белых колесиков, она закинула их в рот и запила остатками воды.

— Что ты стоишь? — спросила мама недовольно. — Вызови мне такси.

— Такси? — повторила я за ней как попугай, испугавшись, что на вызов явится тот же самый таксист, который только что привез меня сюда.

Мама вышла из спальни в общую зону нашего номера, а я осталась около кровати, продолжая думать о своем.

— Попроси их прислать машину как можно быстрее, — крикнула она из гостиной. А затем спросила как ни в чем не бывало: — Даша, а где Сережа?

— Сережа?

— Хватит повторять все, что я говорю! — Мама влетела в спальню, глаза ее горели от возмущения. — Что с тобой? Это все из-за твоего Сережи. Зачем он приехал? Чтобы отвлекать тебя? Ты что, не понимаешь, что это просто неприлично. Кроме того, вы уехали на всю ночь, даже не предупредив меня. Я волновалась.

— Извини, — пробормотала я, пытаюсь наскоро собрать мысли в приемлемую конфигурацию. Мама и не думала волноваться, это она просто так сказала. Она спала, как дитя, и получается, даже не знала, что я ушла из особняка с Андре, а вовсе не с Сережей. Я приложила ладонь ко рту, чтобы не вскрикнуть от удивления. Моя связь с Андре была столь очевидна для меня, что мне, наивной, казалось, будто об этом знают все. На самом же деле не знал никто. Мама-то уж точно.

— Извини! — передразнила меня она, раздраженно передернув плечами. — Ты вызвала наконец такси?

— Жду ответа, — пробормотала я, вслушиваясь в гудки на ресепшен.

Значит, мама считает, что мы ушли с обеда вместе с Сережей. Она что, не видела его после нашей ссоры? Что делал Сережа после того, как ударил меня по лицу? Значит, он просто вышел, покинув особняк Де Моро. Хорошо, что не устроил скандала. Нормальный парень.

— Мама, скажи, а ты сама во сколько уехала с обеда?

— И ты еще спрашиваешь меня об этом? После того как вы меня там бросили? Хотя бы подошли, предупредили, в конце концов. Хорошо, что я могу сама о себе позаботиться. Нет, это совершенно неприемлемо. Думаешь, вы можете устраивать тут медовый месяц?

— Мы с Сережей поругались, — призналась я, но тут на ресепшен ответили. Усталый голос ночного портье спросил по-французски, что я желаю. Завтрак в номер? Нет? Такси? Сию минуту. Я повесила трубку и, обернувшись, вскрикнула от неожиданности, увидев перед собой маму с нанесенной на лицо белоснежной маской, которая стояла с неподвижным лицом, дабы не испортить нанесенный слой. Одними губами она сказала:

— Поругались? Ну что ж, не могу сказать, что мне очень жаль.

— Не надо, мам, — попросила я.

— Он никогда не подходил тебе. Ты только впустую тратила на него свое время. Значит, вы наконец расстались? Или, как всегда, поругались, чтобы потом снова помириться?

— Не думаю, — покачала я головой, и мама приложила ощутимые усилия, чтобы подавить довольную улыбку. — Он уехал. Кажется, на сей раз мы действительно расстались.

— Хвала небесам, — кивнула мама, тут же утратив интерес к этой теме. Ей нужно было спешить — сначала одеться, не смывая маску и не запачкав при этом воротник, потом смыть маску, не

намочив одежду, после чего наложить крем и сделать прическу.

Такси пришло через двадцать минут, а она все еще была не готова, и только, уже стоя в дверях, обернулась, окинув меня внимательным взглядом:

— Но если вы поругались, где же ты была всю ночь? Неужели, чтобы порвать с мужчиной, потребовалось столько времени?

— Мам! — воскликнула я, не зная, что ответить. Шестое чувство подсказывало мне, что не стоит рассказывать об Андре. Никому. Чтобы потом не выслушивать советы, не видеть глаз, полных жалости и презрения — в тот момент, когда Андре меня бросит. В том, что он бросит меня рано или поздно, я нисколько не сомневалась.

— Даша, я не понимаю, где ты провела всю ночь?

— Нигде, — буркнула я, но мама истолковала мои слова по-своему.

— Ты что, переживаешь из-за этого своего Сережи? Нет, в самом деле? Он не стоит этого. К тому же просто неприлично бродить всю ночь по Парижу, ты что, не понимаешь? Могла бы переживать и в номере.

— Ни о чем я не переживала, — соврала я, отведя взгляд.

— Ты что, выпила? — вдруг спросила она, посмотрев на меня с подозрением. Я промолчала, предпочитая, чтобы мама так и подумала. Романтическая картинка. Мы поругались с Сережей, он

улетел (и не обещал вернуться), а я, с разбитым сердцем или по крайней мере с сердцем, полным тихой грусти и стыда за чувство облегчения, что разорвала отношения, которыми давно тяготилась, отправилась в загул. Ночной Париж с его соблазнами, музыкой, танцами и алкоголем.

— Допустим, и что же? — спросила я с вызовом.

— Ну-ка, дыхни, — потребовала мама, приняв свое случайное предположение за истину. Я ей не мешала. Просто сказала, что делать этого не собираюсь, ибо давно уже стала взрослой.

— Вот, значит, чем ты занимаешься в Париже, — обожгла меня укором мама. Но ожог не достиг цели. Значит, мама не знает об Андре. Никто не знает об Андре. Может быть, он мне приснился, став плодом извращенного воображения?

— Тебе пора ехать, — сказала я будничным тоном. — Такси ждет.

— Не терпится от меня отделаться? — фыркнула мама.

— Если хочешь, я поеду с тобой.

— В таком виде? — возмущенно всплеснула она руками. — Нет уж, Даша. Иди прими душ и ложись, проспишься.

— Я не настолько много выпила, мама, — попыталась защититься я, но сцена в ее голове уже явно сложилась, и менять сценарий она не собиралась.

Она выплыла из номера, а я рухнула на диван, совершенно обессиленная. Достав из сумки телефон, взглянула на экран. Андре не звонил. Веро-